

Решающее десятилетие:

каким будет европейский газовый рынок к 2020 году?

Алексей Белогорьев,
руководитель управления
Институт энергетической стратегии

Европа одной из первых вступила в кризис традиционного энергетического уклада, рудиментом оставшегося нам от XX века. Одним из самых сложных вопросов этого кризиса является судьба природного газа. Быть или не быть росту спроса на газ в Европе, решится в 2010-е годы. От найденного ответа во многом будет зависеть и будущее российской газовой отрасли.

Европейский газовый рынок: фаза бурного роста пройдена?

В истории газового рынка ЕС отчетливо выделяется две волны роста: 1960–1970-х годы и 1991–2005 годы. Между ними был период резкого снижения темпов прироста в 1980-е годы на фоне последствий второго нефтяного шока. По завершении второй волны, начиная с 2006 года и по настоящее время, впервые отмечается многолетняя стагнация спроса (рис. 1).

Быстрый рост потребления в 2010 году (+7,4%) не изменил общей картины, поскольку был обусловлен эффектом низкой базы (падением на -6,4% в 2009 году) и очень суровой по европейским меркам зимой — самой холодной в Северной и Западной Европе с 1996 года. Неудивительно, что в первом полугодии 2011 года потребление вновь упало на 9% по сравнению с тем же периодом 2010 года и по итогам года будет, очевидно, на 5–7% ниже прошлогоднего уровня (по прогнозу Eurogas). Следует отметить, что, как и в 2006–2007 годы, это падение идет вразрез с экономической конъюнктурой, поскольку, несмотря на депрессивные деловые настроения в Европе и усугубляющийся долговой кризис, в 2011 году в большинстве стран ЕС ожидается положительный прирост ВВП.

В целом, процесс отвязки потребления природного газа от роста ВВП, который в США произошел около 2000 года, в странах ЕС завершился в 2006–2008 годах. Если в 1987–2000 годах корреляционная связь между показателями составля-

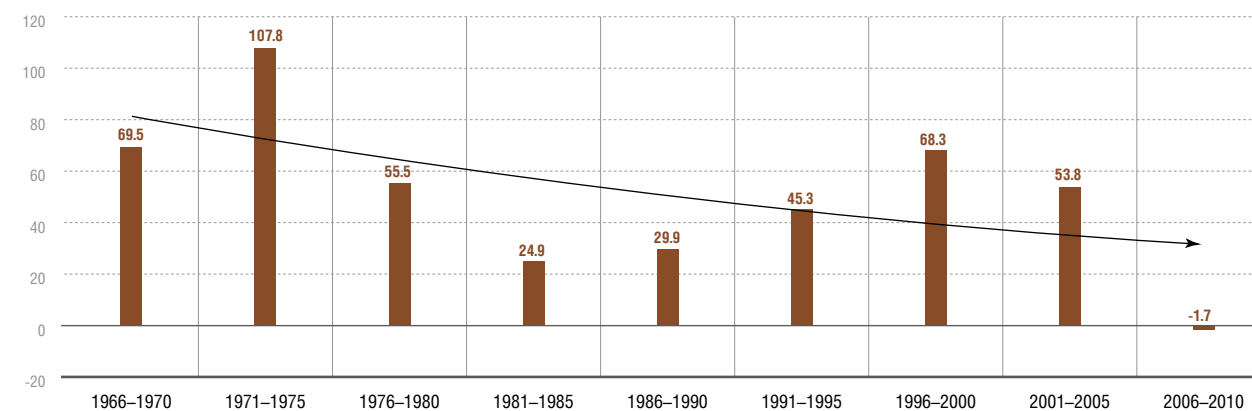
ла 0,91, то в 2001–2005 годах уже 0,60, а в 2006–2009 годах — 0,15. Иными словами, экономическое развитие ЕС обеспечивается теперь негазовыми отраслями промышленности и сферой услуг.

Бросается в глаза и то, что в предшествующий период, по крайней мере, начиная с 2000 года, наблюдались глубокие диспропорции в структуре прироста потребления газа: 69,7% суммарного прироста потребления за последние десять лет (2010 год к 2000 году) пришлось всего на три страны: Испанию, Италию и Францию. Во всех остальных странах ЕС, включая Германию, и абсолютные, и относительные значения прироста были либо минимальными, либо, как в Великобритании, отрицательными (рис. 2). Это отражает высокую дифференцированность газового рынка ЕС по достигнутому уровню душевого потребления. В целом по ЕС оно составило в 2010 году 0,98 тыс. куб. м на чел. в год. Для сравнения в США душевое потребление достигает 2,2 тыс. куб. м, в Канаде — 2,7 тыс. куб. м, а в России заоблачные по мировым меркам — 2,9 тыс. куб. м в год.

В ЕС столь высокого уровня потребления придерживаются только Нидерланды и Люксембург, а также в существенно меньшей степени Бельгия и Великобритания, севшие на газовую «иглу» еще в период расцвета добычи газа в Северном море.

Среднеевропейский же уровень представляют, скорее, Италия, Германия, Венгрия, Австрия и другие страны с потреблением чуть более или чуть менее 1,0 тыс. куб. м на чел. в год (рис. 3).

Рис. 1. Прирост потребления природного газа в ЕС-27 по пятилетним периодам, млрд куб. м/5 лет

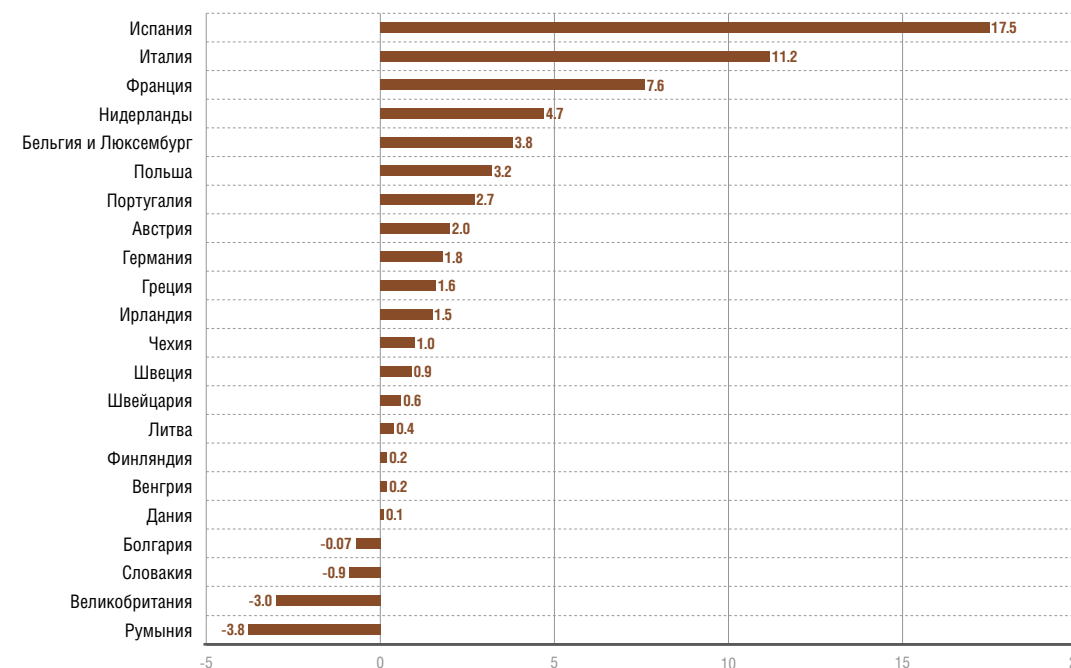
Источник: ИЭС по данным ВР

В отличие от североморских стран, последние всегда были зависимыми от импорта из других регионов, что предопределило совершенно иную модель рыночного роста. Характерно, что именно к среднеевропейскому уровню стремятся и растущие газовые рынки Северо-Восточной Азии

(Япония — 0,78, Республика Корея — 0,87 тыс. куб. м на чел. в год). Душевое потребление газа в отмеченных европейских странах начиная с 2000 года практически не меняется, а в отдельных странах, например, в Великобритании, и вовсе снижается на фоне стабилизации численности населения.

Наконец, третью группу составляют страны с душевым потреблением менее 0,8 тыс. куб. м на чел. в год, из которых крупными газовыми рынками являются Испания, Франция и Польша. Именно эта группа обеспечивала основной прирост спроса на газ в ЕС до 2006–2007 годов.

Рис. 2. Абсолютные значения прироста потребления газа в 2001–2010 годах по странам ЕС, млрд куб. м (2010 г. к 2000 г.)

Источник: ИЭС по данным ВР

Пессимизма добавляет и то, что по уровню газоемкости ВВП (по ППС) ЕС-27 не сильно отстает от основного эталона для сравнения — США (менее чем в 1,5 раза: 32,4 против 47,0 тыс.куб.м/млндолл.соответственно). При этом газоемкость ВВП Японии составляет 21,8 тыс. куб. м/млн долл. Таким образом, уровень газоемкости ВВП Европы представляется вполне

достаточным для региона, сильно зависящего от импорта газа. При этом самая высокая газоемкость в ЕС наблюдается в странах с самым низким душевым потреблением газа (рис. 3), что, с одной стороны, парадоксально, с другой стороны, объясняет стабилизацию спроса на газ в этих странах.

Европейский газовый парадокс: добыча падает, потребление не растёт...

Возрастающее значение для наращивания потребления газа имеет обеспеченность собственной добычей. Россия и Канада — это характерные примеры энергоизбыточных стран. США также одна из крупнейших га-

зодобывающих стран, где доля импорта во внутреннем потреблении даже в пиковые периоды спроса не превышала 18%, а в период бурного роста держалась в районе 9–13%. В ЕС-27 этот показатель сегодня составляет 64,5% (с учетом Норвегии — 43,3%), а по мере уменьшения собственной добычи будет только расти даже при

стагнации потребления, и, по разным сценариям МЭА, составит к 2020 году от 74,5% до 83,5% (при ожидаемом снижении собственной добычи от 33% до 40% к уровню 2010 года).

В условиях нарастания общемировой тенденции регионализации энергетических рынков и все большей обеспокоенности руководства и общественного мнения ЕС по поводу своей чрезмерной зависимости от импорта энергоресурсов вообще и природного газа в частности необеспеченность собственной добычей может стать решающим препятствием на пути дальнейшего увеличения спроса, особенно в Северной и Центральной Европе. Природный газ уже сегодня занимает второе место после нефти по степени зависимости ЕС от внешних поставок, что все болезненнее воспринимается в европейских странах, особенно учитывая постоянный рост этой зависимости. Технологическую базу для стагнации и даже снижения спроса

на газ создает, прежде всего, повышение энергоэффективности газопотребляющего оборудования, особенно в бытовом и коммунальном хозяйстве, доля которого в спросе на газ составляет 39%. Рост эффективности использования газа способен покрыть существенную долю нового спроса на газ: при повышении эффективности потребления газа на 1% будет высвобождаться от 3 до 5 млрд куб. м газа/год.

Особое значение имеет также бурное развитие электрогенерации на основе возобновляемых источников энергии. Характерно, что доля ВИЭ в приросте новых электрогенерирующих мощностей ЕС растет по экспоненте, достигнув в 2009–2010 годах уже 37–38%. В результате доля ТЭС (с учетом всех видов топлива) в структуре суммарной выработки электроэнергии в 2008–2010 годах снизилась с 57,0% до 52,6%, что является ее самым низким историческим значением (рис. 4). Основной проблемой дальнейшего роста доли ВИЭ остается риск снижения стабильности генерации и, соответственно, режима подачи электроэнергии потребителям.

Благодаря взрывному росту в 2000-е годы добычи газа в Норвегии (в 2,15 раза к 2000 году) страны ЕС смогли полностью покрыть в этот

период выбывание собственных добычных мощностей (прежде всего, в Великобритании и Германии). Таким образом, пока снижение собственной добычи газа в ЕС-27 еще не дало своего главного ожидаемого эффекта — наращивания импорта газа. Благодаря этому на остальных по-

ставщиков пришелся только прирост потребления, составивший за период 52,1 млрд куб. м (весь рост, как уже отмечалось выше, пришелся на первую половину 2000-х годов)

Несмотря на то, что в 2011 году добыча газа в Норвегии должна вырасти еще на 2,5%, она вплотную приблизилась к исчерпанию резервов роста. По оптимистичным прогнозам, добыча в этой стране может вырасти к 2020 году до 120–125 млрд со 106,4 млрд куб. м/год в 2010 году. При этом добыча газа в ЕС сократится за этот же период не менее чем на 60 млрд куб. м/год. Норвежская карта, таким образом, практически отыграна, что создает совершенно новую ситуацию с точки зрения обе-

спечения энергобезопасности европейских стран.

Основная борьба за газ развивается сегодня в электрогенерации. Доля электрогенерации в потреблении газа в ЕС сегодня отно-

2030-е годы. Однако даже в лучшем случае выбытие атомных мощностей приведет к росту спроса на газ не более чем на 5–10 млрд куб. м/год.

Выбывание угольных мощностей действительно неизбежно, как по причине их большего износа, экологических ограничений, так и сокращения собственной добычи в ЕС (-24,5% за десять лет). Уже сегодня доля импорта в потреблении угля в ЕС превысила 42%. Таким образом, перед европейскими странами стоит выбор между двумя импортируемыми товарами. И в этом случае решающее значение будут иметь два фактора: цены и геополитика.

Импорт природного газа в Европу: ценовые и геополитические аспекты

В 2000-е годы природный газ потерял репутацию относительно дешевого энергоресурса. Очевидно, что стремительный рост цен особенно в период 2006–2008 годов существенно повлиял на динамику спроса на газ, оттолкнув многих потенциальных потребителей (существующее потребление остается малоэластичным по цене). Развитие биржевого ценообразования пока не смягчило ситуацию: цены

фтепродуктов, высокие цены по которым сводят на нет маржу компаний-импортеров от биржевой торговли.

В свою очередь, основные поставщики газа не готовы сегодня к демпингу на европейском рынке, который имел место, например, в 2009–2010 годы со стороны Катара и других экспортеров СПГ. Быстро растущие в период экономического кризиса государственные расходы, а вместе с ними и планка безубыточности бюджетов по цене нефти и природного газа, сужают ценовую гибкость экспортеров, включая Россию, заставляя делать основную ставку на объеме текущей выручки, а не на стимулировании долгосрочного спроса. Более того, поставщики СПГ имеют возможность переориентации на рынок АТР, прежде всего, Китая, продавая газ даже по более высоким ценам, чем в Европе. Заметное влияние на цены оказывает и рост эксплуатационных издержек и особенно высокая капиталоемкость новых добывающих проектов, а также возрастающие геополитические риски, связанные с «арабской весной», Ираном, ростом напряженности в Нигерии.

В целом, ценовая конъюнктура на газовом рынке ЕС, как по долгосрочным контрактам, так и на биржевых

Узбекистан, Казахстан), возможно, Ирана и иракского Курдистана, а также за счет строительства новых регазификационных терминалов, в том числе и в балтийском регионе.

В динамике структурных изменений импорта ЕС-27 в последние годы особенно настораживает непрерывное падение доли России, снизившейся с почти 40% до менее чем 31% в течение всего лишь 5 лет. Характерно, что это снижение произошло за счет стремительного роста в этот же время поставок СПГ, особенно из Катара, а не за счет других трубопроводных поставок. В этой связи уместно вспомнить, что почти весь прирост спроса в ЕС-27 в 2000-е годы. пришелся на страны южной Европы, где развернулось наиболее бурное строительство регазификационных терминалов.

Вторая цель — стабилизация или, по крайней мере, резкое снижение темпов роста зависимости от импорта газа. Достижение этой цели возможно двумя путями: искусственным ограничением спроса (включая стимулирование газосбережения и повышения эффективности использования газа) и развитием собственной добычи газа из нетрадиционных источников. Последнее направление пока только начинает развиваться и, по всем прогнозам, до 2020 года серьезных перспектив для масштабной добычи нетрадиционного газа, в частности, сланцевого, в Европе нет.

Будущее российского газа в Европе: вопрос политического выбора

Таким образом, газовый рынок ЕС не достиг еще своего насыщения, но приближается к нему, причем уровень насыщенности этого рынка с точки зрения показателей на душу населения и на единицу ВВП будет отличаться в меньшую сторону от соответствующих показателей Северной Америки и России за счет иных условий развития (прежде всего, чрезмерной зави-

симости от импорта, но также за счет изменения технологической базы).

В 2010-е годы ЕС должен сделать выбор, готов ли он действительно, как предполагают программа «20–20–20» и «Энергетическая стратегия ЕС до 2020 года», во многом искусственно стабилизировать потребление газа, несмотря на его очевидные достоинства как экологически чистого и эффективного топлива, значимого в том числе с точки зрения снижения эмиссии парниковых газов. Если такое решение будет принято, то при наличии политической воли оно, на наш взгляд, реализуемо. С другой стороны, оно не означает, что в дальнейшем при изменении общих условий рост не возобновится вновь. В целом, темпы прироста спроса в 2012–2020 годах в ЕС-27 будут близки к самым консервативным прогнозам, далеким от сценария «золотой эры газа» МЭА (по нему, спрос должен вырасти на 23,4% к 2010 году). В промежутке 2020–2025 годов прирост спроса, по всей вероятности, полностью прекратится, если не будет начата собственная масштабная добыча газа из нетрадиционных источников, как произошло во 2-й половине 2000-х годов в США. Таким образом, ключевую роль в судьбе газа в ЕС будут играть риски снижения или повышения энергобезопасности.

Основной задачей России в этих условиях становится повышение привлекательности собственных поставок газа. Конкурировать по цене России с ее увеличивающейся средней себестоимостью добычи, огромной инвестиционной нагрузкой и ростом налоговой базы в газовой отрасли будет чрезвычайно трудно. К счастью, по всей видимости, такой конкуренции в ЕС после 2013–2014 гг. и не будет на фоне ожидаемого роста биржевых цен и ориентации поставщиков СПГ на максимизацию прибыли. Однако возрастает конкуренция за гибкость контрактных условий, где

сификацию поставок. В этой связи судьба российского газа в Европе в 2010-е годы будет определяться, прежде всего, общеполитическим сближением или отдалением ЕС и России, а также внутривнутриполитическими и геополитическими пертурбациями в Каспийском регионе, Иране, Северной Африке и Нигерии. Иными словами, тем, будут ли риски срыва поставок газа из этих регионов превышать для ЕС политические издержки газовой зависимости от России. На сегодняшний день этот баланс, очевидно, не на стороне России. При этом иметь дело с относительно маленькими страна-

Поставщики СПГ имеют возможность переориентации на рынок АТР, продавая газ даже по более высоким ценам, чем в Европе

приобрели большую волатильность, но остались на довольно высоком уровне, более чем в два раза превышающем, например, текущие цены на рынке США. Кроме того, несмотря на стремительный рост в последние годы биржевой торговли, объем газа, продаваемого на биржах континентальной Европы, составляет пока только 32% от товарного потребления. Таким образом, более 2/3 продаж все еще приходится на долгосрочные контракты с привязкой к стоимости корзины не-

площадках в 2010-е годы явно не будет способствовать росту спроса на газ, а скорее, наоборот, станет дополнительным ограничителем этого роста.

Геополитические цели ЕС в газовой сфере, требующие реализации в 2010-е годы, в полной мере вытекают из предыстории 2000-х годов.

Первая цель — диверсификация поставок природного газа, прежде всего, за счет прокладки новых трубопроводных маршрутов из Каспийского региона (Азербайджан, Туркмения,

Ключевую роль в судьбе газа в ЕС будут играть риски снижения или повышения энергобезопасности

ОАО «Газпром» сохраняются большие просторы для маневрирования.

При этом стратегической ловушкой для России может стать ориентация на упреждающее развитие инфраструктурных мощностей. И если вторая очередь «Северного потока» еще находит поддержку и контракты в Европе, то другие российские проекты, прежде всего, «Южный поток» сталкиваются с растущим непониманием, поскольку противоречат общей политической линии на дивер-

ми, пусть даже и такими проблемными, как Иран и Нигерия, ЕС намного легче, чем с огромной и сильной Россией, тем более учитывая богатый опыт колониальных экономических и политических связей. Наконец, опыт ливийской войны 2011 года показал решимость европейских стран, прежде всего, Франции и Великобритании, использовать любые меры, включая военные, для решения своих энергетических проблем, что практически немыслимо в их отношениях с Россией.